

Юлия
СЫЧЁВА

ВЕЩИ И ЛЮДИ

ГРЕБЕШОК

Как я обрадовалась, увидев его в галантерейном отделе магазина, скромно лежащим в дальнем углу витрины как не самый ходовой товар!

Штампованное пластмассовое изделие советской промышленности, отличающееся разве что цветом – от скромно-бежевого до броского вишневого.

Сколько помню себя, столько помню и его в причёске бабушки, бабы Дуси.

Баба проводила гребешком по коротким платиновым волосам трижды: ото лба слева, справа, по центру, и закрепляла на затылке. Аккуратная причёска готова! Волосы не лезут в лицо, не мешают управляться по дому.

И бабушка идет управляться. Растапливает печь, аккуратно выкладывая бересту, затем тонко нащипанные лучинки, потом наколотые полешки. Чистит некрупную картошку на суп, сидя на табурете и поставив старую мятую алюминиевую миску под очистки на пол. Натаскивает с колонки воду для стирки, греет ее на печке, затем долго трет грязное белье на стиральной доске. Аккуратно подметает веником половики, встряхивает лежащие под порогом круги, собственноручно связанные из ремков.

Когда развалился Советский Союз и стали пропадать из продажи самые, казалось бы, обычные вещи, исчезли и гребешки. И бабушка просила меня привезти ей из Кемерово «хребёлку». Обрыскав весь город в поисках гребешка, я привезла бабушке привычную ей вещичку.

68

Куплю! В память о бабе Дусе. Дома проведу по своим коротким, пока еще не совсем седым волосам трижды: ото лба слева, справа, по центру, закреплю гребешок на затылке. И пойду управляться.

Нажму кнопку на стиральной машине, загрузив грязное белье и выставив программу. Нажму кнопку на микроволновке, достав из холодильника и поставив в нее готовые продукты из магазина. Пройдусь пылесосом по ламинату.

Насколько проще стал наш быт в двадцать первом веке! Спасибо техническому прогрессу.

И какими великими тружениками были наши бабушки и дедушки, какая тяжелая выпала им судьбина.

КОВЕР– САМОЛЕТ

Моя молодая будущая мама, переведясь на заочное отделение физико-математического факультета Кемеровского пединститута, в далеком 1962 году была направлена на работу учителем

СЫЧЁВА Юлия Валерьевна родилась в городе Мариинске Кемеровской области. Окончила математический факультет Кемеровского государственного университета. Редактор поэтического сообщества «Термитник поэзии». Автор книг: «Вне времени», «Тёмные источники» и «Семейные ценности». Публиковалась в журналах: «Огни Кузбасса», «День и ночь», «Балтика», «Фантастическая среда» и др. альманахах и коллективных сборниках. Член Союза писателей России. Живет в городе Кемерово.

математики в село Таежная Александровка Мариинского района.

Глушь ужасная! Добраться в Таежную Александровку можно было так: автобусом до села Колеул, потом километра три проселочной дорогой до реки, а там кричи перевозчика на лодке!

Хотя в советское время была развита малая авиация, из Мариинска в Таежную Александровку летал самолет Ан-2. А вдруг нелетная погода? Ненадежно.

Поселок стоял на песчаном языке, поэтому грязи после дождей не было, вода уходила в песок. И картошку жители поселка не сажали – не росла она на песке. Возник поселок около производства, в Таежной Александровке размещался цех тарной дощечки.

В школе насчитывалось примерно сто семьдесят учеников.

Жила мама вместе с коллегой, тоже молодой учительницей, на квартире у бабушки. Сами пекли хлеб из привезенной муки, пекарни в поселке не было. Общественной бани не было тоже, просились мыться к соседям в баню по-черному, на таскивая ведрами воду из криницы под горой.

Учителей в поселке уважали. Как-то идет мама из школы, окликает ее продавщица из поселкового магазина:

– Нин Иванна, нам ковры завезли, я вам оставила! Брать будете?

– Буду! – твердо сказала мама. Мама сторонник быстрых решений, без всяких там колебаний.

Оплатила, скатала в трубу, положила на плечо и понесла домой.

Ковер был небольшой, глубокого темно-вишневого цвета, с геометрическим орнаментом в бежево-серых тонах. Красивый.

Вместе с мамой ковер приехал в Мариинск, в дом родителей на улице Береговой.

Примерно в это же время ее средняя сестра Валентина (мама старшая из трех сестер) уехала жить и работать на крайний север, в Мурманскую область, в молодой город Апатиты. Жила в деревянном общежитии на улице Бредова. Мерзла. И выпросила ковер себе, и получила его по почте, свернутым в рулон, аккуратно зашитым в белую ткань с подписанным на ней химическим карандашом адресом.

Да-да, ковры, которые в поздний советский период считались предметом роскоши, а некоторыми презирались как символ мещанства, в первую очередь выполняли практические функции

звукоизоляции и защиты от холода, и именно поэтому расстилались на полах и вешались на стены.

Мама вышла замуж и переехала в дом моего отца на улицу Чапаева. Жили сначала вместе с бабушкой и младшим братом отца, но вскорости бабушке дали квартиру во втором пятиэтажном кирпичном доме, построенном Мариинским спиртовым комбинатом, где бабушка работала главврачом здравпункта, и молодые зажили одни. Родилась я, через пять лет – братишка Кирилл.

После внезапной трагической смерти отца бабушка хотела выселить нашу семью из дома на улице Чапаева, но мама решительно отстояла свое право. Куда было ей идти с двумя детьми? Возвращаться в небольшой дом родителей, к ним и подросшей младшей сестре? Им и самим тесновато.

Тогда бабушка забрала все свои ковры.

Стоял стылый январь 1975 года.

Предыдущим летом отец пристроил к дому комнату для меня, будущей первоклассницы, заказав необычное для частных домов большое трехстворчатое окно и резную двустворчатую дверь. Водяное отопление провел тоже, но всё равно в новой комнате было холодно. Да и сам дом был не особо теплым.

Мама написала сестре в Апатиты с просьбой вернуть ковер. Но пришлось бы долго ждать. И в итоге дорожками поделилась другая моя бабушка. Одну длинную дорожку мама разрезала поперек и сшила ковер, и повесила его на стену.

Прошло много лет. Настал новый век, необходимость в коврах отпала, они вышли из моды. Модным стал сначала евроремонт, голые белые стены, затем – дизайнерские изыски. От шума и холода нас защищают стеклопакеты, натяжные потолки, теплые полы. В своей квартире мы избавились от ковров, только в зале лежит (о, я сентиментальна!) ковер из моего приданого, подаренный бабушкой и дедом, сопровождая мою семью уже более тридцати лет.

И вдруг раздаётся звонок из Мурманской области. Тетушка Валентина торжественно сообщает, что вышлет мне ковер! Дескать, он стоит у нее в кладовке без всякого дела, а мне он просто необходим!

Обалдевшая, я всячески пытаюсь отговориться от подарка, советую отдать ковер детям, внучке, тетушка горестно сообщает, что все отказались и никому ковер не нужен. Я категориче-

ски отказываюсь тоже, и тетушка подозрительно быстро меняет тему.

В очередном телефонном разговоре, выдержав таинственную паузу, она сообщает, что таки отправила мне посылку! И жалуется, как нелегко было купить плотную белую ткань, но она, обойдя все Апатиты, нашла. И свернула ковер в рулон, обшила его белой тканью и написала химическим карандашом мой адрес. Взвалив на плечо, отнесла в почтовое отделение.

Через некоторое время я в Кемерове получила на почте белый рулон, взвалила его себе на плечо, как тетушка и как когда-то (давным-давно) моя молоденькая хрупкая мама, и притащила домой свалившееся мне на голову наследство...

Надо отдать должное тетушке, большой аккуратистке, ковер оказался в прекрасном состоянии, краски по-прежнему яркие и ворс не вытерт. Раз в год она обязательно доставала ковер из кладовки, чистила его, просушивала и снова сворачивала в рулон и убирала в кладовку.

Теперь ковер глубокого темно-вишневого цвета с орнаментом в бежево-серых тонах, возрастом старше меня, лежит на полу перед зеркалом и, когда я по утрам наношу макияж, согревает мне не только босые ноги, но и душу.

ОБИТАТЕЛИ СЕРВАНТА

Одним из любимых моих домашних дел в детстве было наведение чистоты и порядка в серванте с посудой. Рассказать почему?

Надо отдать должное вкусу мамы. Выбранная ею посуда была прекрасна и неизменно будоражила мое воображение.

Пузатый пупырчатый графин зеленого стекла под тяжелой крышкой и шесть таких же зеленых пупырчатых стопок. Этот комплект представлял собой для меня толстую бонну в шляпе, прогуливающую своих подопечных.

Шесть стаканов чешского стекла. Простая цилиндрическая форма. Верхняя половина стакана прозрачная, украшена поверху тонким золотым ободком, нижняя цветная – синяя, зеленая, желтая. На каждом свой рисунок, соответственно цвету.

Желтый – по пустыне идет слон в нарядной попоне, на спине которого мальчишка-возница в чалме и с палкой и шатер, украшенный полумесяцем, в шатре возлежит знатный вельможа, вдали мечеть с минаретом, похожая на мираж.

Зеленая – по траве мчится экипаж, запряженный парой лошадей, на облучке – мужчины

в шляпах, в окошко с любопытством выглядывает девушка.

Синий – по снегу бредут северные олени, запряженные в сани, в санях сидят якуты в шубах, фон рисунка – конусы чумов.

Почему-то эти стаканы ассоциировались у меня с бравыми гусарами.

Глянцевый черный кувшинчик с узким горлышком и одной ручкой, расписанный золотыми узорами, и к нему шесть черных же с золотом крохотных чарочек – красота несказанная! В моем воображении это была сказочная черная лебедь с маленькими лебедятами.

Моя добыча! В семидесятых годах двадцатого века, когда для советского гражданина заграничная поездка была редкостью, бабушку, главврача трех районов, премировали турпутевкой в Болгарию. Вернулась она, разумеется, с подарками. Сыну, моему отцу, привезла нарядный свитер, чуть больше размером, чем надо бы, и мой добрый папа, уйдя в нем в гости, вернулся налегке – другу свитер подошел больше... Мне досталась ходячая кукла, почти с меня шестилетнюю ростом; к неудовольствию бабушки, я тут же назвала ее самым красивым на свете именем, маминым – Нина. Маме бабушка тоже что-то подарила.

70

Но тут я, придя к бабушке в гости, увидела несказанной красоты кувшинчик и чарочки и влюбилась в это изделие болгарских народных промыслов с первого взгляда! И никак не соглашалась уйти без них. Бабушка сдалась моему громкому реву, и домой я шла, нежно прижав вожделенный графинчик к груди.

Однажды я уронила одну из чарочек, и краешек откололся, скол оказался нарядного яркорыжего цвета.

Самым трудным для мытья был чайный сервиз на шесть персон из пятнадцати предметов. Тончайшего фарфора, такого, что сквозь поднятое к свету блюдце просвечивали пальцы, и строгого рисунка в черных и серых розах на белом фоне. У чашек и блюдец золотой ободок. Ручки заварочного чайничка и сахарницы тоже золотые. Внизу на каждом предмете написано «Дулёво». Мама рассказывала, что сервиз целую вечность стоял в магазине – уж очень дорого стоил, сто шесть рублей. Она долго любовалась им и купила со своих больших учительских отпускных.

Были в серванте еще тонкие хрустальные рюмочки-балеринки на длинных тонких ножках, и

важные фужеры, и тяжелые вместительные хрустальные салатницы для семейных праздников, и высокие вазы для цветов. И нужно было периодически протирать пыль на полках, перемывать с пемоксолью всё это великолепие в двух тазиках – с горячей и с холодной водой, и заново красиво расставлять в серванте, чтобы посуда сверкала и радовала взгляд. И будоражила мечтой о празднике, когда за покрытым скатертью с бахромой раздвинутым столом соберется большая шумная семья. И будет стоять на столе блюдо с желтой дымящейся горой картошки-толчёнки, обложенной по кругу сочными поджаристыми котлетками, и хрустальные салатники с ярким винегретом и бледным «зимним» салатом (во времена моего детства не существовало современного салатного разнообразия). Будут звучать тосты и звенеть рюмки. И будет чай из красивых чашек (осторожно, горячий, не обожгись!) и испеченный мамой торт. И это счастье и радость!

Конечно, не вся эта прекрасная посуда из моего детства сохранилась до сегодняшнего времени. Спустя полвека я бережно храню пупырчатый графин зеленого стекла без крышки, черный с золотом глиняный кувшинчик с трещинкой, тонкого фарфора надколотое блюдо с черными и серыми розами и золотым ободком. Цветные с рисунками стаканы чешского стекла сохранились в полном составе и по-прежнему радуют взгляд.

ДВА ПОРТРЕТА ЕСЕНИНА

Знаете эту фишку, когда члены семьи, сидя дома каждый за своим компьютером, не переговариваются, а перекидываются сообщениями в сети?

В один прекрасный вечер дочь пересылает мне такой текст неизвестного автора:

«У бабушки в комнате висел портрет мужчины. Всю жизнь я был уверен, что это портрет моего покойного дедушки. И только недавно узнал, что это портрет поэта Сергея Есенина...»

Прочитываю текст и начинаю хохотать.

Дочь прибегает ко мне из своей комнаты, и мы хохочем вместе.

Марина сквозь смех говорит: «Только я всегда знала, что это Есенин!»

Дело в том, что у моей мамы Нины Ивановны всю мою жизнь (и, соответственно, всю Маринкину жизнь) висят два портрета Есенина.

Портреты эти одного размера, примерно с альбомный лист, и представляют собой кусок

картона, обтянутый пленкой с изображением Есенина. Поворот головы одинаков, на одном – только голова и воротничок рубашки, второй дополнен костюмом до груди. Поэт кудряв, спокоен, серьезен.

Я помню эти два портрета еще в старом деревянном доме, доме моего детства, на улице Чапаева. Вместе с нами они несколько раз переезжали, меняя место жительства, но неизменно оказывались на стенах нашего жилья. Вот и теперь, в двадцать первом веке, в маминой квартире в Мариинске один Есенин по традиции над стеллажом с книгами в зале, второй – в спальне.

Я пересказала маме этот случай как анекдот.

И услышала в ответ историю этих двух портретов, столь дорогих маме – историю из жизни моей семьи.

Младший брат отца, Сережа Воронин, как и мой отец Валерий Воронин, со школьной скамьи был увлечен поэзией, сам писал стихи, которые охотно печатала мариинская газета «Вперед!». Тезка Сережи – великий русский поэт Сергей Есенин – был его кумиром. Моя мама, чтобы порадовать юношу, заказала ему на день рождения в каталоге «Товары-почтой» плакетку с портретом поэта. Ее можно было повесить на стену или поставить на стол, отогнув картонный галстук на обороте.

Да-да, напрасно молодежь думает, что интернет-торговля – изобретение новейшего времени. Еще в 60–70-е годы в Советском Союзе при дефиците некоторых «товаров народного потребления», как их тогда называли, на почте лежали толстые каталоги «Товары-почтой» с перечнем товаров, их ценой и стоимостью пересылки, можно было сделать заказ и получить желаемое посылкой или ценной бандеролью.

Сережа крайне обрадовался подарку.

Он окончил среднюю школу № 6, поступил в Иркутский университет на факультет журналистики и, уезжая в Иркутск, забрал портрет Есенина с собой, чтобы повесить в студенческом общежитии как напоминание о родном доме. Мама подумала: а почему же она заказала только один портрет? В их молодой интеллигентной семье (мама – учитель, отец – инженер) тоже любят стихотворения Сергея Есенина. И заказала по каталогу «Товары-почтой» второй портрет, и повесила его в доме на улице Чапаева.

Университет Сережа не окончил. Его юную жизнь прервал пьяный водитель на самосвале. Тело юноши доставили на родину, в город Мари-

инск, и захоронили на местном кладбище рядом с могилой отца – Александра Фомича Воронина. После похорон бабушка предложила родным взять на память что-то из вещей Сережи, и мама взяла плакетку с портретом поэта и тоже повесила дома.

Давно уже нет на этом свете Сергея и Валерия Ворониных. Моя бабушка Таисия Федоровна Воронина пережила обоих своих сыновей, уйдя ровно через тридцать лет, день в день, после младшего, Сережи. А поэт Сергей Есенин всё так же серьезно смотрит с портретов, кудрявый и вечный.

КНИЖНАЯ ЭПОПЕЯ

Я смутно помню семидесятые годы прошлого века, время, когда я пошла в школу.

Я не умела читать, тогда не принято было детей учить чтению до школы. Дескать, пойдут в первый класс, там всему и научатся – и читать, и считать, и писать.

Из моей детсадовской группы читать умела одна только Ирка Жаркова. И я страшно завидовала, когда воспитательница сажала ее перед всеми нами на отдельно стоящий стульчик, и Ирка, водя пальчиком по книжной страничке, медленно, трудно, но громко, по слогам читала нам сказку.

Грамоту я осилила быстро, на проверках скорости чтения тараторила слов в минуту больше всех одноклассников. И достаточно быстро стала брать в детской библиотеке Мариинского спиртового комбината не тонкие книжечки, а толстые и интересные. И быстро перечитала все выставленное на стеллаже и рекомендованное для моего младшего школьного возраста. Иногда, видя мои мучения при выборе новой книги взамен прочитанной, совершенно сказочная старушка-библиотекарь Федосья Петровна в очках с толстыми линзами, делавшими ее глаза огромными, ныряла в ящики своего письменного стола и доставала какую-нибудь книжку специально для меня – Майн Рида или Жюль Верна.

А еще книжки вручались на школьных линейках как награда за отличную учебу и примерное поведение или за участие в серьезном мероприятии. Открываю какую-нибудь детскую книгу из семейной нашей библиотеки, а там в верхнем левом уголке надпись наискосок: «Победителю предсезонной вахты Юле Ворониной, 5 класс В».

В книжном магазине нашего района (бабушка старомодно называла его «КаГИз») работает монументальная дама с великолепной «халой». Из развлечений – книжная лотерея, билетик стоит 25 копеек. Крутанешь барабан, достанешь билетик, развернешь, а там, как правило, надпись «без выигрыша». А если повезет, то «выигрыш 50 копеек» или даже «выигрыш один рубль». И возвращаешься окрыленный к полкам, выбирая из небогатого ассортимента. Иногда идем в магазин с мамой с уговором: выбираем по одной книжке. Я прочитываю и свою, и мамину, и самодовольно думаю: моя-то интереснее! И только много позже понимаю, что у мамы – ранний Владимир Маканин, а у меня одноразовая беллетристика.

Каждый месяц по подписке, которую чудом оформила мама, приходит толстенный вишневого цвета том «Большой Советской Энциклопедии» в картонном футляре, вкусно пахнущий свежей типографской краской, с мелованными страницами, которые приятно перелистывать, готовя школьные доклады на самые разные темы.

Семейная библиотека, которую начал собирать еще мой дед Воронин, растет и пополняется.

Я хорошо помню восьмидесятые годы прошлого века, когда книги были настоящей ценностью. В Кемерове на месте теперешнего Знаменского собора находилась барахолка. Прямо на земле, на газетах, предлагались к продаже дефицитные джинсы, польская косметика. И книги. Книжки, которых не было в продаже в магазинах. Например, Александр Дюма. За сумасшедшие по тем временам деньги – 10 рублей, 15 рублей.

Еще можно было сдавать макулатуру. Целых двадцать килограммов старых газет и журналов только для того, чтобы получить талон на одну книжку. А вообще это была та ещё задачка! Регулярно подходить к пункту приема макулатуры и следить за объявлениями, когда появится талон на хорошую книжку. Потом галопом мчаться в общежитие университета и топтать обратно, пытая и отдуваясь, с помощью кого-нибудь из друзей тащить связки накопленной бумаги. Получить в обмен на макулатуру заветный талон. Но и это еще не всё! Не конец эпопеи. Теперь нужно следить за объявлениями в книжном магазине, когда же появится сама книга, чтобы выкупить ее, предъявив талон. А если это был двухтомник?

Я прекрасно помню девяностые годы, сейчас их называют «лихие девяностые». Это было время, когда на книжный рынок вывалили горы литературы – и отечественной, и переводной.

Предприимчивые кемеровские ребята-студенты с рюкзаками за спиной садились на самолет до Москвы, набивали там рюкзаки дефицитной литературой, потом у драмтеатра с раскладных столиков торговали с накруткой 500, а то и 1000%. Трудно в такое поверить сейчас, но книжки разлетались как горячие пирожки! Страна самозабвенно утоляла книжный голод. Книги стали доступны, не дешевы, это верно, но их можно было приобрести и прочесть!

Сначала зарубежные: детективы Чейза и Рекса Стаута, триллеры Стивена Кинга, сентиментальные романы Даниэлы Стил, зачастую в корявом, наспех сделанном переводе, но это не смущало ни продавцов, ни покупателей. Потом спохватились отечественные писатели: а чем мы хуже? И появились Александра Маринина и Дарья Донцова, Александр Бушков и Василий Головачев.

«Мастер и Маргарита». Бесконечные продолжения «Унесенных ветром» и «Поющих в терновнике». «Роза мира» Даниила Андреева. Уринотерапия от Геннадия Малахова и прочая нетрадиционная медицина.

Наша библиотека прилично увеличилась в эти годы, нам пришлось покупать книжные стеллажи.

В начале двадцать первого века, войдя в литературное интернет-сообщество, я стала привыкать к другим книжкам. Это были тоненькие поэтические сборники, самиздат. Они не продавались в магазинах и на книжных развалах. Их отправляли друзьям бесплатно, с оказией, почти голубиной почтой. Немало таких сборников с теплыми словами авторов собралось в моей библиотеке. Когда в 2017 году у меня вышла первая книга стихов «Вне времени» небольшим тиражом 300 экземпляров, порядка сотни я тоже подписала друзьям и отправила почтой России по всей стране от Мурманска до Владивостока, в Молдавию, на Украину.

А сейчас я слегка побаиваюсь сетевых книжных магазинов. Огромные пространства, полки до потолка набиты томиками в ярких обложках. Как найти нужное? Или то, что придется по душе? Продавцы перестали быть советчиками. Читают ли они книги? Или хотя бы пролистывают? Не уверена. В ответ на вопрос в лучшем случае махнут рукой: Ищите на том стенде! И стоят на полках в ожидании своего читателя дефицитные ранее Дюма и Пикуль, Цветаева и Ахматова.

Хорошо еще, если на полках магазинов!

Стоят и на буккроссинге, а то и лежат стопками около мусорных контейнеров....

Но я рада, очень рада, что для моих друзей, для моей дочери и ее друзей книга по-прежнему остается ценным подарком. Несмотря на астрономические цены.

73

